

О ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ НАУКЕ ПРАВА И НЕКОТОРЫХ ЕЕ НАПРАВЛЕНИЯХ¹

© 2020 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблематика науки как формы познания окружающего мира в плане систематизации знаний о закономерностях природы, общества, государства, мышления. Обосновывается предположение о началах научного познания мира в самой начальной фазе возникновения человеческой цивилизации: с открытия огня (точные науки) и с упорядочиванием отношений в каждом первобытном общественном формировании посредством образования в нем обычаев и вытекающего из этого образования механизма межличностного несилового способа разрешения споров, ссор и конфликтов (социогуманитарные науки). Автором при рассмотрении проблематики фундаментальной, поисковой и прикладной науки отмечается, что организационные формы науки (академической, вузовской, отраслевой и — это новое — индивидуальной) не «привязаны» к видам НИР. Фундаментальные науки, в т.ч. наука права, — это, по мнению автора, поиск в поле неизвестности, проблематика загоризонтного уровня. В то же время есть те направления фундаментальной науки права, которые возникли издревле и продолжают оставаться актуальными сегодня, будут ими и в неопределенном по продолжительности будущем.

В качестве примера такого направления автор рассматривает проблему права собственности в симбиозе с проблемой справедливости, в частности, задается вопросом: какому субъекту права в нашей стране сегодня принадлежат на праве собственности природные ресурсы? Автор считает, что ответ здесь должен базироваться на конституционных положениях, но действующая Конституция РФ как раз прямого закрепления этой собственности и не содержит, что приводит к серьезным отрицательным последствиям, контурно представленным в данной работе. Сама же конституционная основа регулирования этих отношений должна базироваться на принципах справедливости, и все последующее законодательство должно ему соответствовать.

Ключевые слова: право, наука, фундаментальная проблематика науки права, право собственности, справедливость.

Цитирование: Клеандров М.И. О фундаментальной науке права и некоторых ее направлениях // Государство и право. 2022. № 2. С. 44–56.

Статья выполнена с использованием СПС «КонсультантПлюс».

DOI: 10.31857/S102694520018755-1

¹ Статья была напечатана в журнале «Государство и право». 2020. № 5. С. 19–31. DOI: 10.31857/S013207690009664-2

ON THE FUNDAMENTAL SCIENCE OF LAW
AND SOME OF ITS DIRECTIONS²

© 2020 M. I. Kleandrov

*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow**E-mail: mkleandrov@igpran.ru*

Abstract. The article deals with the problems of science as a form of cognition of the surrounding world in terms of systematization of knowledge about the laws of nature, society, the state, thinking. The assumption is justified on the basis of scientific knowledge of the world in the initial phase of the emergence of human civilization: from the discovery of fire (science) and with the regulation of relations in each primitive social formation through education its practices and the consequent formation mechanism of interpersonal non-violent method of resolving disputes, quarrels and conflicts (socio-humanistic Sciences). When considering the problems of fundamental, search and applied science, the author notes that the organizational forms of science (academic, University, industry and — this is new — individual) are not “tied” to the types of research.

Fundamental science, including the science of law, — is, in the author's opinion, a search in the field of obscurity, a problem of the over-horizon level. At the same time, there are those areas of fundamental science of law that arose from ancient times and continue to be relevant today, and they will be in the indefinite future.

As an example of this trend, the author considers the problem of property rights in symbiosis with the problem of justice, in particular, asks the question: what subject of law in our country today owns natural resources by right of ownership? The author believes that the answer here should be based on constitutional provisions, but the current Constitution of the Russian Federation does not contain a direct fixing of this property, which leads to serious negative consequences, which is outlined in this work. The very constitutional basis for regulating these relations should be based on the principles of justice, and all subsequent legislation should comply with it.

Key words: law, science, fundamental problems of the science of law, property rights, justice.

For citation: Kleandrov, M.I. (2022). On the fundamental science of law and some of its directions // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 2, pp. 44–56.

The article is made using the LRS “ConsultantPlus”.

В научной (наукоедческой) и учебной (по истории науки) литературе история науки обозначается, как начавшая свое развитие в античном мире — практически с теории познания и физики Платона и Аристотеля. Считается, что к тому времени различными группами людей было накоплено множество знаний, которые можно назвать научными, но науки в подлинном смысле там еще не было. Этот исторический период называется псевдонаукой и связывают его прежде всего с формированием предпосылок научного знания — возникновение письменности и счета, развитие ремесел и др.³ Что касается истории науки права, то немногим более 20 лет назад в нашей стране была издана пятитомная «Антология мировой правовой мысли», где развитие правовой мысли начинается

с Древнего Востока (Древнего Египта, Месопотамии, Хеттской державы, Древнего и раннесредневекового (доисламского) Ирана и Древней Палестины), античности (Древней Греции и Древнего Рима), а также с древних индийских, китайских, японских и монгольских правовых воззрений⁴. Правовую мысль и правовую науку того периода можно, видимо, отождествить — с позиции сегодняшнего дня, но вот начальная фаза ее возникновения и поступательного развития, как и науки в целом, вызывает возражения.

Считать, что наука появилась лишь тогда, когда образовались письменные и т.п. источники, дошедшие до нас (которые с определенной долей условности можно квалифицировать как доказательства того, что появилась наука (а что именно?)), значит — обеднять историю человеческой цивилизации. Разве обретение человечеством (группами людей) еще до этого письменности, счета и ремесел не научные достижения, в подлинном смысле?

² The article was published in the journal “State and Law” (2020), No. 5, pp. 19–31. DOI: 10.31857/S013207690009664-2

³ См., напр.: Криволапова Ю.К. История науки: учеб. пособие. М., 2015. С. 5, 6. В этой работе приведено большое количество соответствующих опубликованных источников, посвященных истории науки. Но среди них отсутствуют источники по истории науки права.

⁴ См.: Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 1. Античный мир и Восточные цивилизации / рук. проекта Г.Ю. Семигин. М., 1999.

Это все равно, что утверждать: правосудие в человеческой цивилизации возникло лишь с появлением писаных законов и персоналий, специализирующихся на отправлении правосудия. Но ведь это явно не так...

Что такое наука? Есть множество ее определений, начиная с шутливо-саркастических (к примеру, «это — удовлетворение собственного любопытства за чужой счет»), продолжая достаточно серьезным, практически официальным (например, «это — получение новых знаний») и завершая приписываемым Роберту Гутовскому, над которым стоит задуматься: «Наука — это систематическое расширение области человеческого сознания».

Последний находится в векторе, закрепленном в п/п. «а» п. 12 Устава РАН (в действующей ред.), где в числе ряда целей РАН первой названо проведение научных исследований, «направленных на получение новых знаний о законах развития природы, общества, человека и способствующих технологическому, экономическому, социальному и духовному развитию России».

Поэтому естественным будет считать, что стремление получить новые знания появилось еще на заре возникновения человеческой цивилизации у различных общественных групп (семейств, племен, родов...) первобытных людей в целях решения важнейшей для них задачи — выживания в тех природных условиях. А группы первобытных людей, у которых эта цель не прорезалась, попросту не выжили.

Пикантности (в современных координатах) этой ситуации придает то обстоятельство, что именно на старте возникновения в человеческой цивилизации потребности в науке и научных исследованиях (системами, средствами и методами, адекватными тому историческому периоду) и проявилось разделение науки на науки точные (естественные и проч.) и науки социогуманитарные (общественные и проч.).

К первым относится, безусловно, открытие огня (его поддержание при получении от природных очагов возгорания; обретение способности разжигания и использования, постепенно — по широкому спектру возможностей и потребностей), которое и до сих пор широко нами используется, ведь горение — база удовлетворения нынешних бытовых потребностей, основа современного огнестрельного оружия и т.д.

Ко вторым — создание механизма упорядочивания межличностных отношений, в т.ч. несилового способа разрешения споров, ссор и конфликтов внутри сообщества первобытных людей. До создания этого (пусть в самой зачаточной форме) способа упомянутые споры, ссоры и конфликты в таком

сообществе разрешались в основном силовым способом, торжествовало право сильного, что нередко приводило к деградации и уничтожению всего конкретного сообщества. А выживали те сообщества, в которых образовались зачатки названного механизма, в своем развитии получившие форму первоначального механизма правосудия.

Естественно, никаких материальных следов такого образования и изначально дихотомного развития науки нет — ни письменных, ни в форме наскальных изображений, ни рисунков на черенках гончарных изделий, ни иных подтверждений в археологических раскопках и т.д. Но ведь есть логика, воображение, моделирование ситуаций и процессов..., а это тоже методы научного познания.

Во всяком случае у автора данных строк сомнений в изложенной выше истории образования науки и методологии научного познания действительности нет. Скорее всего все так и было, если придерживаться общепринятого взгляда на историю человечества и человеческой цивилизации. И не опираться на теории божественного, мистического и/или уфологического возникновения человечества, вроде прилёта на Землю 200 тыс. лет назад аннунаков с планеты Нибиру, которые для решения своих задач провели среди большой массы человекоподобных обезьян соответствующую генетическую коррекцию, в результате получив массу полуразумных приматов, которые впоследствии развились в первобытных людей и, переняв от звездных пришельцев определенные знания, освободились от их влияния.

Как бы то ни было, возникнув (на различных территориях нашей планеты и не одновременно), наука (в самых различных формах) развивалась (в самых разных векторах и совсем не линейно) и на стадии первобытнообщинного строя, и в племенных (родовых) объединениях, и в догосударственных образованиях, и в рабовладельческих государствах, и при феодализме, и при капитализме, и при социализме (где его строили)... Пройдя при этом стадии развития — натурфилософию, аналитическую науку, стадию дифференциации наук, а сегодня проходит стадию интеграции наук, и это явно не завершающее развитие науки⁵.

К настоящему времени принято считать, что наука (организация научных исследований) подразделяется на: 1) фундаментальные; 2) поисковые; 3) прикладные.

При этом фундаментальная наука, как известно, — это система знаний о глубинных свойствах

⁵ История науки, организационных форм научных исследований не обойдена вниманием отечественных исследователей (см., напр.: Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. 2-е изд. М., 1988).

объективной реальности; она создает теории, объясняющие все процессы, происходящие в мире. Как правило, фундаментальные научные исследования направлены на получение новых (новейших) знаний без какой-либо конкретной цели, связанной с использованием этих знаний. Считается, что основными признаками фундаментальности выступают концептуальная универсальность и пространственно-временная общность. А в принципе подлинная фундаментальная наука — это научно-исследовательская работа в поле полной неизвестности. Похоже, правы были небезызвестный Вернер фон Браун (сказавший: «Фундаментальные исследования — это чем я занимаюсь») и Хоумер Адкинз (сказавший, в свою очередь: «Фундаментальные исследования — это примерно то же самое, что пускать стрелу в воздух и там, где она упадет, рисовать мишень»). На чисто бытовом уровне можно сказать, что фундаментальная наука — это уж точно не научные исследования с заранее очевидным результатом; в праве — это уж точно не изложение своими словами очередного нормативного правового акта, перемешивающегося восхвалениями: «как своевременно», «как мудро», «как давно этого ждали»...

Поисковая наука — это, в свою очередь, экспериментальные или теоретические исследования, направленные на увеличение объема знаний для более глубокого понимания изучаемого предмета, это разработка прогнозов развития науки и техники, открытие путей применения новых явлений и закономерностей.

Прикладная же наука направлена на получение новых знаний с целью практического их использования для разработки технических и иных нововведений.

В принципе разделение между фундаментальной наукой и наукой прикладной — это разделение в плане «теоретическое» — «эмпирическое», но при этом фундаментом в обеих науках может быть эмпирическое знание (фактов и явлений).

Методология научного поиска у фундаментальной, поисковой и прикладной наук различается по ряду показателей, еще больше различий между науками точными (здесь в фаворе метод эксперимента) и социогуманитарными (здесь в приоритете методы: воображение, фантазия, догадка, интуиция, создание реконструкции, воображаемое моделирование процессов, явлений, ситуаций и проч.). Необходимо отметить, что одним из фундаментальных принципов научного познания является аргументированная критика практически любых теорий, включая их методологические основания и эвристические перспективы. При этом, так уж сложилось (причины этого различные, но

в основном — субъективного свойства), что, как в СССР, так и в Российской Федерации, внимание властей — организационное, финансовое, кадровое и иное обеспечение — уделяется первым в десятки раз больше, чем вторым (в частности, из 18 вице-президентов РАН лишь один обществовед — археолог). Но ведь науки о закономерностях общественного развития не менее необходимы, не менее значимы и важны, чем исследования в области ядерной физики (химии, биологии...).

И недооценка второго при проведении НИР первого подчас становится трагедией, пока, правда, в локальных объемах. Например, в КНР ученый-генетик Хэ Цзянькуй и двое его сотрудников в конце 2018 г. имплантировали двум женщинам генетически отредактированные эмбрионы; одна из женщин родила девочек-близнецов. С позиции науки генетики успех несомненен — с помощью генетического редактирования удалось придать несквозным человеческим эмбрионам устойчивость к ВИЧ, и эта устойчивость может быть унаследована потомками «отредактированных» детей. Но с точки зрения науки права это — преступление, и суд признал, что трое обвиняемых намеренно нарушили национальные нормативные положения относительно биометрических исследований и медицинской этики и поспешно применили метод генетического редактирования в репродуктологии. Обвинительный приговор суда был вынесен всем трем обвиняемым, сам факт эксперимента впоследствии вызвал критику среди китайских ученых-генетиков⁶.

Разумеется, противопоставлять точные науки наукам социогуманитарным не следует ни в коей мере, речь идет лишь о том, что роль вторых для общества не менее значима, чем первых, поэтому и внимание к ним (во всех проявлениях) должно быть не меньшим. К тому же, обе они базируются на единой платформе — такая важная наука, как науковедение, не проводит между ними принципиальных различий, особенно когда речь идет о фундаментальном науковедении. Можно, видимо, фундаментальную науку охарактеризовать как поиск нового там, где нам неизвестно либо ничего совсем, либо совсем мало что. Ибо поиск нового там, где нам известно много, — это уточнение известного, усовершенствование его, приспособление к насущным потребностям и проч., что, безусловно, нужно, но это уже — наука прикладная. Известно высказывание одного из прошлых министров обороны США Дональда Рамсфельда: «Есть вещи, о которых мы знаем, что знаем; есть известные нам неизвестности, о них мы знаем, что пока не знаем; но есть еще и неизвестные неизвестности, вещи, о которых мы не знаем, что

⁶ См.: Поиск. 2020. 17 янв.

их не знаем». Вот последние и есть проблематика подлинно фундаментальной науки — исследование в полной неизвестности, поиск загоризонтного профиля. И результат в конкретном поиске неизвестен, и вообще неизвестно, будет ли он. В физике это, к примеру, исследование теории времени (прежде всего как источника энергии), телепортации, телепатии, левитации, телекинеза, трансмутации элементов — здесь, похоже, вообще научная целина. Как и длящиеся уже не один десяток лет исследования, обосновывающие существование общего поля, которое лежит в основе всех явлений и фундаментальных взаимодействий материального мира. А что это в праве — ниже.

Но такой подход позволяет в сфере фундаментальной науки выделить то, что можно, по всей видимости, охарактеризовать как «Большую фундаментальную науку», проблематика которой скорее всего должна, в свою очередь, основываться на положениях фундаментального науковедения. Под последним в науковедческой литературе понимается общая теория науки, представляющая собой теоретико-методологическую основу и разрабатывающая общетеоретические концепции и модели научного знания, научной деятельности и научной организации, призванная также исследовать и логически упорядочивать закономерности строения, функционирования и развития науки в целом⁷.

Вообще же типологизация науки, научного поиска и подходы к созданию общепринятых ученым миром понятийного и категориального аппаратов активно рассматриваются в науковедческой литературе⁸. В той или иной мере все это находит закрепление в соответствующих законах и иных нормативно-правовых предписаниях, например, в Указе Президента РФ от 12 декабря 2016 г. № 642 «Об утверждении Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»⁹.

⁷ См.: *Каширин В.П.* Проблемы общей теории науки // *Науковедение: фундаментальные и прикладные проблемы.* М., 2002. С. 27, 28.

⁸ См., напр.: *Голдин В.И.* Фундаментальные проблемы науковедения и роль университетов в развитии науки в России в современном мире // *Вестник Поморского ун-та. Сер.: Гуманитарные и специальные науки.* 2011. № 3. С. 100–105; *Ефименко Д.В.* Производство научного знания и российское научное сообщество // *Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки.* М., 2005. С. 214, 215; *Юревич А.В.* Науковедческая «башня» или еще раз о предмете и структуре науковедения // Там же. С. 38. Немало интересных публикаций по данной проблематике в сетевом издании — Интернет-журнале «Науковедение» (основанном в 2009 г.), который с 2017 г. выходит под новым названием «Вестник Евразийской науки» (правда, статьи по специальности 12.00.00 — юридические науки не публикуются).

⁹ См.: СЗ РФ. 2016. № 49, ст. 6887.

В то же время следует отметить, что современная правовая основа науковедения оставляет желать лучшего. Особенно наглядно это проявляется сегодня в такой ее сфере, как наукометрические показатели эффективности результатов НИР. Здесь не только законо- и нормопроектант, что называется, руку не приложил, но и правовая наука, по существу, пробуксовывает. Иначе не было бы официально действующей столь безумной оценки результатов творческой деятельности ученых путем учета количественных показателей публикационной активности в зарубежных журналах, причем в тех странах, власти которых негативно относятся к нашей стране. Более всего эта несуразность проявляется в оценке результатов исследований в науках социогуманитарного профиля, в первую очередь общественных наук. Сегодня шутовское переименование лозунга известного в прошлом политика: «Из всех наук для нас важнейшей является библиометрия», — уже, по сути, не шутка.

Можно, конечно, протестовать против подобной наукометрической методологии путем принятия соответствующих решений учеными, научными, диссертационными и иными советами научных учреждений, решениями общих собраний их трудовых коллективов и/или научно-исследовательских коллективов и т.д. Но явно эффективнее противостоять этому действию правовыми средствами — изменениями соответствующими способами тех правовых предписаний, на которых основывается данная дефектная система оценки научных достижений (весьма хлипких, кстати, это о правовых предписаниях, а не о научных достижениях), разработкой и обеспечением принятия соответствующих законодательных и иных нормативных правовых актов, которые: а) исключают названную дефектную наукометрию, блокировав всякую возможность ее воссоздания «эффективными менеджерами» от науки; б) введут адекватную действительным результатам НИР систему оценки в сфере науки. Все это возможно, в свою очередь, лишь на основе серьезных научно-правовых разработок — это явно сфера именно фундаментальной правовой науки в первую голову.

С позиции организации научных исследований (планирование, финансирование, проведение, отчетность...) принято науку разделять на академическую, вузовскую и отраслевую. Сюда следовало бы добавить, по мнению автора данных строк, и науку не организованную, проводимую в инициативном порядке отдельными (или в составе малых групп) энтузиастами за свой счет и в свободное время.

Такую организацию науки можно назвать «гражданской» — собираются энтузиасты в гараже у одного из таких исследователей и либо что-то модернизируют (приспосабливая, например, авиационный

мотор к «Жигулям»), либо совершенствуют (превращая те же «Жигули» в бронированный внедорожник), а то и изобретая что-то принципиально новое (например, машину времени) — талантливых людей у нас много. И если по всей стране изобретателей машины времени сейчас (гипотетически) насчитывается 20–30 групп, одна из них рано или поздно достигнет, пусть методом «тыка», искомого результата (изобретет эту машину времени), или уже достигла, но соответствующие органы данное изобретение засекретили... Все знали, что по законам физики ее нельзя изобрести, и они — не знали...

Отраслевая наука в советский исторический период у нас была весьма развита, практически все хозяйственные союзно-республиканские министерства имели свои НИИ, причем с научно-правовым подразделением, но с распадом СССР отраслевая наука в основном прекратила свое существование. Побочным следствием чему является, в частности, возникновение следующей проблемы. Каждое федеральное министерство и ведомство ведут большой объем нормотворческой работы — в рамках и в векторе собственных правомочий. Существовавшие в прошлом НИИ общесоюзных и союзно-республиканских министерств и ведомств и обеспечивали в подавляющем объеме решение этой задачи силами научно-правовых подразделений названных НИИ. Сейчас ни отраслевых НИИ, ни их научно-правовых подразделений нет, а необходимость в отраслевом нормотворчестве сохранилась, более того — возросла. Существующие сегодня в федеральных министерствах и ведомствах правовые (юридические) подразделения (управления, отделы, департаменты...) с этой работой справляются далеко не всегда — и по объему работы, и по качеству — ведь эта нормотворческая работа требует предварительного научно-правового обеспечения, проведения соответствующих научных исследований. Важно при этом, что сама нормотворческая работа в министерствах и ведомствах — это государственная функция, и она финансируется каждому министерству, ведомству из федерального бюджета. И получилось, что работу эту делать надо, а в министерствах, ведомствах — некому (или почти некому). Выход нашли в аутсорсинге этих госфункций. Причем в огромных масштабах, и уже длительное время — поручение Президента РФ о введении запрета госорганам закупать работы и услуги, выполнение которых непосредственно отнесено к их функциям, должно было быть выполнено еще к 1 октября 2016 г. В СМИ отмечается: «Аудиторы констатировали, что потери бюджета от “аутсорсинга” госфункций исчисляются миллиардами рублей в год, которые бюджет дважды платит за одно и то же. Минэкономики предлагало закрепить запреты на госзакупки “профильных” работ ведомств в положениях о них

(в основном речь шла о заказе научно-исследовательских работ, в рамках которых разрабатывались нормативные документы, которые должны были готовить сами органы власти). Минфин же настаивал на том, что у госорганов и так нет права передавать свои полномочия на аутсорсинг, поэтому необходимость такого запрета отсутствует (см.: “Ъ” от 10 апреля 2018 г.)»¹⁰.

У автора этих строк возникло ощущение, что широко и печально известный приказ Министерства науки и высшего образования РФ конца прошлого (2019) года, резко ограничивший научные контакты наших ученых со своими зарубежными коллегами, — это именно аутсорсингская разработка, причем ее авторы особенно не утруждались, просто достали из архивов НКВД 30-х годов соответствующую Инструкцию и слегка её адаптировали к сегодняшним реалиям...

Академическая наука с распадом СССР уцелела в основном потому, что РАН оказалась правопреемником АН СССР, в т.ч. в организационном, материально-ресурсном, кадровом и иных планах. Но в 2013 г. с передачей большинства институтов РАН в ведение (со всеми вытекающими последствиями) Минобрнауки России сама РАН превратилась практически в научно-организующую фикцию, в штаб без армии. В принципиальной значимости проблема заключается в том, что сейчас РАН пытается выступать в качестве штаба российской науки, однако ни в Конституции РФ, ни в соответствующем федеральном законодательстве эта штабная её роль никак не обозначена. Ситуация прямо противоположна ситуации с нынешней судебной системой страны — в Конституции РФ о ней практически почти ничего нет, она лишь упоминается в ч. 3 ст. 118 Конституции РФ (причем там сказано, это она устанавливается Конституцией РФ и федеральным конституционным законом, но как раз Конституцией РФ она до сих пор и не установлена), а ее штабу — Верховному Суду РФ — посвящена целая статья — 127-я, правда, по своему содержанию эта статья далеко не идеальная, и уж точно из неё не вытекает, да и не должно вытекать, что Верховный Суд РФ есть штаб судебной системы страны. А ведь РАН с институтами — система, без них — фикция, в ее штате даже научных сотрудников нет.

Укрепил ли вузовскую науку перевод в ведение Минобрнауки России академических институтов — большой вопрос. Сама же вузовская наука, в которой организационно НИР ведет небольшое число штатных научных сотрудников, а в основном её проводит профессорско-преподавательский состав вузов, причем в свободное от преподавательской (методической, воспитательной...) работы время,

¹⁰ Коммерсантъ. 2020. 21 февр.

похоже, эффективной, сопоставимой с академической, быть не может. Положение дел с подлинной эффективностью вузовской науки серьезно усугубляют те же, что и у академической, официальные показатели ее наукометрической результативности публикационной активности.

Следует подчеркнуть, что вовсе не обязательно, чтобы фундаментальные исследования вела академическая наука, прикладные — отраслевая, ну а поисковые — вузовская, даже если бы организация их стала оптимальной, близкой к советскому историческому периоду. Науку делают личности, и относится это также к наукам общественного профиля, включая правовые. Разработка, обсуждение и утверждение разного рода уровней проектов, программ, нормативов результативности и т.д. НИР — это организационная сторона дела, сама же наука есть прежде всего (и в своей основе) результат мыслительного процесса мыслительной деятельности человеческого индивидуума. Он же, вероятно — в результате глубоких размышлений, расчётов, экспериментов и т.д. и с учетом обсуждения проблемы с коллегами — и сможет увидеть огромную проблемную пробельность в определенной сфере общественных отношений, в т.ч. в том правовом поле, которое уже тысячелетия было и является предметом пристального внимания ученых соответствующего профиля. Следует ли отнести эту проблематику к фундаментальной науке, формула которой приведена выше? Вряд ли, ведь проблемы здесь исследовались издревле, это поле долго и упорно пахали, правда, на нем постоянно всходили новые «плоды неизвестности» — соответствующие тем или иным историческим последовательностям. Может быть, стоит в этом случае вести речь о Большой фундаментальной науке права?

Таким образом, ответ на вопрос: какая юридическая наука (из трех названных выше видов) призвана вести исследование проблем (серьезных, актуальных...) в правовом поле, уже тысячелетия прорабатываемым, может быть в традиционных представлениях таким: безусловно, всеми формами, но в обыденном сознании это та проблематика, которая «прорезалась» недавно, либо контуры которой убеждают в ее актуальности в ближайшем будущем. Но ведь речь здесь идет о тысячелетней истории исследования фундаментальных проблем определенной (ограниченной) сферы общественных отношений. В целях закрепления термина в понятийном аппарате следует в этом случае, видимо, говорить — параллельно сказанному выше — о Направлениях фундаментальных научных исследований в праве.

В данной работе предлагается к их рассмотрению два — право собственности и правовое обеспечение справедливости в общественных отношениях, но оба — в «симбиозе», в органическом

единстве. Они в реальной жизнедеятельности общества подчас тесно переплетаются, образно говоря, диффузируются, но в то же время по своему содержанию значительно — в симбиозе же — различаются и географически (в разных странах), и темпорально (исторически — в различных общественно-экономических формациях, на разных исторических этапах развития государства...). При этом сохраняется в симбиотическом единстве определенный правовой стержень в данных сферах общественных отношений, а значит — в названном направлении фундаментальной науки в праве.

Наиболее наглядно названные различия проявляются в обычной жизни. Например, недавно в одной из земельных столиц западной части ФРГ полицейский оштрафовал пожилого бюргера, присевшего отдохнуть на скамейке у остановки общественного транспорта. Основание к наказанию — использование этой скамейки бюргером не по назначению. В силу локального акта муниципальных властей остановки общественного транспорта (вместе со скамейками) предназначены для будущих пассажиров, ожидающих этот транспорт — так было обоснование расходов на общественный транспорт, финансируемых муниципальным бюджетом за счет местных налогоплательщиков. Логика нормопроектанта здесь очевидна: если бы в данном локальном акте цель остановок общественного транспорта включала бы возможность присесть на скамейку остановки не только будущим пассажирам, но и прохожим, пусть и пожилого возраста, то был бы риск — депутаты представительного органа муниципалитета могли не утвердить истребуемые бюджетные расходы, посчитав их тратами, не соответствующими целевому назначению общественного транспорта.

Интересно, могла бы возникнуть подобная коллизия (оштрафование пожилого гражданина ФРГ за использование муниципального имущества не в строгом соответствии с его нецелевым назначением) в Восточной части ФРГ — всё-таки и сегодня менталитет жителей Западной и Восточной частей ФРГ различается. Но есть твердая уверенность — в нашей стране такого быть попросту не может.

Вместе с тем, как известно, древнегреческий мыслитель Сократ, основоположник философии права (что — не общепризнано), уверял, что любые законы — и провозглашенные бессмертными богами, и принятые властителями государств имеют общий источник — справедливость, которая и являлась, как он считал, критерием законности. С тех пор много воды утекло, но справедливость не исчезла, хотя воспринималась и в географическом, и во временном измерениях по-разному.

Различие подходов между российским и западноевропейским менталитетами к симбиозу

права и справедливости отмечает и крупный отечественный специалист в области философии права В.Н. Жуков в статье «Справедливость» недавно изданного словаря «Философия права». По его мнению, категория справедливости представлена во всех культурах мира, но этимология этого слова разная. В латинском языке справедливость означает *justitia* (право), и данная традиция понимания справедливости, идущая от древних римлян, весьма характерна для Запада с его преобладающим взглядом на мир социальных отношений через призму права. Справедливость там тождественна законности: что соответствует праву, то следует считать справедливым. В русском же языке справедливость происходит от слова «правда», что к праву прямого отношения не имеет. В контексте русской культуры правда есть одновременно гносеологическая и этическая категория, правда — это истина, отображающая объективную реальность, а также модель должного поведения. И на Западе, и в России феномен справедливости имеет место, но акценты в нем смещаются в зависимости от особенностей культуры¹¹.

Вообще же справедливость — одно из самых загадочных понятий, равное по неопределенности составляющих его признаков таким понятиям, как «любовь», «счастье» и некоторым иным. Кстати, сегодня на нашей планете есть государства, в которых есть министерства счастья, есть государства, где ощущение счастья у населения, по устоявшемуся определению его уровня в обществе, что называется зашкаливает, и это при низком уровне жизни и широко распространенной бедности населения.

Но справедливость от названных (и неназванных) неопределенных понятий отличается тем, что в подавляющей мере она (ее уровень) зависит от государства, его органов и должностных лиц, от состояния правовой системы, от государственно-управленческого механизма, от состояния его законодательно-нормативной основы и проч. И в первую очередь непосредственно от людей, которые принимают решения, совершают поступки и действия и т.д., которые и рассматриваются, и оцениваются в обществе как справедливые или несправедливые.

Проблемной базой здесь является отсутствие (практически полное) ясности в вопросах: справедливость — это чувство или свойство души, или черта характера? она у человека образуется еще в его эмбриональном состоянии, являясь врожденной, или проявляется с его взрослением (или не проявляется у отдельных людей)? можно ли ее наличие каким-либо образом (способом) обнаружить

и зафиксировать, и соответственно градуировать? если да, то зависит ли уровень справедливости у людей в зависимости от возрастных и гендерных особенностей индивидуума, его воспитания, политических, идеологических, конфессиональных, национальных и т.п. предпочтений и многого иного?

Пожалуй, современный уровень науки, самые ее передовые достижения не способны дать ответы на перечисленные вопросы. А как было бы хорошо, если бы можно было у кандидата на государственную должность (прежде всего на должности судей) определить (медикаментозно, погружением в гипнотическое состояние, с использованием пока не изобретенного прибора...) наличие и уровень (или отсутствие наличия) справедливости... Поскольку в средствах массовой информации отмечается, что в обществе запрос на справедливость в последнее время растет, а по частоте упоминаний острых общественных проблем рост показателя несправедливости судов внушительен — зафиксирован с 7 в 2006 г. до 14 в 2020 г., т.е. вдвое¹².

Уверенности в том, что неумолимый научно-технический прогресс в определенном будущем способен обеспечить разработку указаний методики выявления у испытуемого чувства справедливости, придает то обстоятельство, что практически любой взрослый человек определит, что называется влет: справедливы или нет то или иное решение властей, поступок (действие) другого человека, и — что особенно впечатляет — тот или иной судебный приговор. При полном подчас отсутствии какого-либо обоснования своего в этом вердикте.

Как бы то ни было, у России, однако, свои фундаментальные проблемы в симбиозе права собственности и правового обеспечения справедливости.

Одной из таких фундаментальных проблем, весьма актуальных сегодня для России, является, по мнению автора данной статьи, проблема в вопросе: кому, какому субъекту права в нашей стране принадлежит право собственности на природные ресурсы (прежде всего на углеводороды), покоящиеся в ее недрах, еще не открытых геологами?

Оба вектора — темпоральный и геопропространственный на этот вопрос давали (и дают) четкий, однозначный ответ. РСФСР — предшественница Российской Федерации в Конституции 1978 г. (ст. 11) закрепляла это право за государством: «В исключительной собственности государства находятся земли, ее недра, воды, леса...». И ни каких вариаций и разночтений. Сама государственная собственность при Советской власти была

¹¹ См.: Философия права. Словарь / общ. ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2020. С. 599.

¹² См.: Комраков Анатолий. Россияне хотят справедливости как никогда раньше // Независимая газ. 2020. 6–7 марта.

абсолютно доминирующей; колхозно-кооперативная и общественных организаций (основательно огосударствленная по основным параметрам) была незначительной — относительно государственной; частной не было вообще; личная проявлялась (чуть ли не исключительно) лишь в наследственных правоотношениях. Да и там наследственная масса была (за редчайшими исключениями) столь мала, что законодательство того периода обходилось всего двумя очередями наследников, а ведь сегодня этих очередей — семь, и то иногда недостаточно. Поэтому-то острых, кричащих проблем с правом собственности того периода не возникало — ни на практике, ни в теории: у нас до сих пор три элемента права собственности, а во Франции, к примеру, их 11. И это вследствие разницы в практической потребности, а соответственно в ее законодательном урегулировании: у нас эта реальная потребность образовалась около 30 лет назад с переходом страны на рельсы рыночной экономики, а во Франции — во времена Наполеона Бонапарта, создавшего необходимое уже тогда соответствующее кодифицированное законодательство.

Относительно же права собственности на природные ресурсы эпохи РСФСР не только проблем, даже частных вопросов не возникало (были терминологические разногласия — общенародная ли она? или больше социалистическая?).

Для прослеживания юридического собственника природных ресурсов России в более давние времена следует оптимально воспользоваться методом правовой стратиграфии, аналогии со стратиграфией, широко применяемой в геологии и археологии, где отслеживаются в исторической последовательности пласты — геологических наслоений, следов прошлых культур человеческих сообществ... В правовой стратиграфии это последовательные «напластования» законодательных и иных нормативно-правовых актов, устоявшихся правил поведения, соответствующей правоприменительной практики и т.д. — все, что регулировало вопросы права собственности на природные ресурсы в разные исторические периоды. Похоже, что этот вопрос — применительно к углеводородам — до середины XIX в. нормативно никак не был урегулирован, да и вообще тогда он никого не интересовал.

Однако на эту проблему можно взглянуть и по-другому, если опираться не на законодательную и иную нормативно-правовую основу определения собственника природных ресурсов вкупе с соответствующей правоприменительной практикой, а на положения действующей Конституции РФ. Иными словами, в целях обеспечения справедливости (по самому большому счету) посмотреть сквозь призму конституционных положений на то, что сособственником природных ресурсов

России могут считаться и прошлые поколения россиян, а также и будущие поколения¹³. В преамбуле Конституции РФ способствуют такому восприятию следующие положения: «Мы, многонациональный народ Российской Федерации..., сохраняя исторически сложившееся государственное единство..., чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость..., исходя из ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями..., принимаем КОНСТИТУЦИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ».

Представляется, что высшим проявлением справедливости является определение в качестве субъекта права собственности на природные ресурсы в нашей стране, данные нам Богом (и природой), прошлые, настоящие и будущие поколения граждан Российского государства.

При таком подходе вряд ли эту собственность сегодня можно называть государственной, уж никак в координатах положений Конституции РФ. Очевидно, что из указанных выше векторов первый — темпоральный — не позволяет однозначно считать собственность на природные ресурсы России государственной. Даже если этот вектор сузить до границ лишь нынешнего поколения — граждан Российской Федерации. Второй же вектор — геопространственный — также исключает такую возможность, в отличие, например, от нашего ближайшего соседа — Республики Казахстан, где в ч. 3 ст. 6 Конституции провозглашено: «Земля, ее недра, воды, растительный и животный мир, другие природные ресурсы находятся в государственной собственности. Земля может находиться также в частной собственности на основаниях, условиях и в пределах, установленных законом», т.е. там даже законом не может быть установлена принадлежность природных ресурсов к не государственной собственности.

В ч. 2 ст. 9 Конституции РФ провозглашено: «Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности», т.е. до 12 декабря 1993 г. природные ресурсы находились в исключительной (! — М.К.) собственности государства — по Конституции РСФСР 1978 г., а с 12 декабря 1993 г. уже лишь могут находиться в собственности различных субъектов права, среди которых государство (а значит народ, нынешнее поколение россиян, как и будущие тоже) в этом перечислении названо не первым. Каким образом

¹³ Автор данных строк этот вопрос — о правах собственности прошлых и будущих поколений россиян на природные ресурсы — уже рассматривал (см. подр.: Клеандров М.И. О двух хронологических векторах права собственности // Собственность в XX столетии. М., 2001. С. 776–792).

общенародная собственность на природные ресурсы нашей страны после 12 декабря 1993 г. «перетекла» в собственность частную? Особенно это удивительно применительно к еще не разведанным тогда природным ресурсам, покоящимся в наших недрах. Разве Российская Федерация не правопреемница РСФСР, в т.ч. в вопросах права собственности на природные ресурсы?

Принятый еще до Конституции РФ 1993 г. Закон РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах»¹⁴ вопрос о принадлежности природных ресурсов, находящихся в недрах Российской Федерации, обошел молчанием. Статья 11 Закона (в первоначальной ред.) указывала однозначно в своем названии: «Недра предоставляются в пользование специальным разрешением в виде лицензий». И никаких иных вариантов оформления права на недропользование.

В более поздней редакции Закона РФ «О недрах» ст. 1.2 «Собственность на недра» в ч. 1 установила: «Недра в границах территории Российской Федерации, включая подземное пространство и содержащиеся в недрах полезные ископаемые, энергетические и иные ресурсы, являются государственной собственностью». Такова редакция этой нормы и сегодня. Но если Конституция РФ говорит, что природные ресурсы могут находиться в частной, государственной и иных формах собственности, а принятый позже Федеральный закон ограничивает это право лишь собственностью государственной, то чем руководствоваться? Ясно же — Конституцией РФ. Но почему сложилась такая правовая коллизия?

Комментарии к ч. 2 ст. 9 Конституции РФ этот хотя и узкий, но принципиальный вопрос обходят¹⁵, ограничиваясь отсылками к Закону РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах»¹⁶ и к иным статьям Конституции РФ (ч. 3 ст. 36, ч. 1 ст. 72 и др.), педалируя на регулирование земельных отношений. Еще до принятия 12 декабря 1993 г. Конституции РФ, в момент «слома эпох», Верховным Советом РФ было принято постановление от 27 декабря 1991 г. № 3020-1 «О разграничении государственной собственности в Российской Федерации на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность», в котором в приложениях 1 и 2 содержались перечни

объектов, относящихся исключительно к федеральной собственности, и объектов, которые могут передаваться в собственность субъектов Российской Федерации. И сегодня научная мысль сосредоточена в значительной мере на этом векторе разграничения государственной собственности на федеральную, субъектов Федерации и муниципальную¹⁷. Дело, безусловно, нужное, но ответа на ожидание общества справедливости в вопросе права собственности на природные ресурсы, бывшие до 12 декабря 1993 г. собственностью народа, а теперь — нет, не дает. Как не дает ответа и специальная научная работа о первоначальных способах приобретения права собственности¹⁸. Но ведь известно, что справедливость для нашего народа — понятие сакральное, позитивное самоощущение общества — одна из опорных, несущих конструкций государства, да менталитет народа существует независимо от того, совпадает ли он с устремлениями властей. И здесь нет лозунга «борьбы с богатыми» — «всё отнять и поделить». Здесь проблема: справедливо ли общенародная собственность на природные ресурсы «перетекла» в частную собственность? Справедливы ли были законы, позволившие это сделать (и делать до сих пор). Наконец, главное — отвечает ли принципам справедливости, и особенно определенности, в принципе конституционная формула, согласно которой природные ресурсы «могут находиться» в частной собственности?

Похоже, что ожиданиям общества на справедливость в обозначенных отношениях эта конституционная формула в необходимой мере не соответствует. Вообще, как известно, правовое регулирование отношений между государством и компаниями — добытчиками полезных ископаемых осуществляется во всем мире в четырех основных формах: лицензии, контракты, концессии и соглашения о разделе продукции.

В ряде стран с крупными запасами углеводородного сырья используется контрактная сервисная форма отношений: государство заключает с компанией контракт, в силу которого последняя организует разведку полезных ископаемых: разведала и доказала существование такого месторождения — получи от государства, к примеру, 5 центов за 1 куб. м. разведанного газа, 10 центов за 1 баррель разведанной нефти, и на этом твои обязанности по контракту завершены. На добычу этих

¹⁴ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 16, ст. 834; СЗ РФ. 1995. № 10, ст. 823.

¹⁵ См., напр.: Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 3-е изд., перем. М., 2013.

¹⁶ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 16, ст. 834.

¹⁷ См., напр.: Емелькина И.А. Перераспределение государственной и муниципальной собственности: правовые проблемы и тенденции развития законодательства // Законы России. 2020. № 20. С. 22–28.

¹⁸ См.: Корнилова Н.В. Первоначальные способы приобретения права собственности: реформа в России и зарубежный опыт // Росс. правосудие. 2017. № 1 (129). С. 56–67.

углеводородов государство заключает с добывающей (той же либо иной) компанией отдельный контракт, выплачивая ей оговоренную контрактом сумму за каждый добытый куб. м. газа, баррель нефти. Реализацией же этих добытых углеводородов занимается компания (эта же или уже третья) — по отдельному контракту с государством. Таким образом, собственником углеводородов по всей цепочке (разведка, добыча, реализация) остается государство, и все доходы от этого поступают ему. Таково положение дел в Норвегии, Саудовской Аравии, ОАЭ, ряде иных государств, было в Ливии... А поскольку государственная собственность предназначается по справедливости для блага народа этого государства, граждане государств с такой формой отношений между государством и бизнесом получают право (и реальную возможность) на т.н. безусловный доход — изначальную долю доходов от продажи государством углеводородов, по сути, реализуют право на свою долю собственности на углеводороды.

В Российской Федерации практикуется лицензионная форма названных отношений, при которой государству достаются в основном лишь налоговые и таможенные платежи, выплачиваемые бизнесом, и уж на «безусловный доход» нашим гражданам никак не приходится рассчитывать. Справедливо ли это? В феврале этого года в «Российской газете» было отмечено: «Не так давно в Госдуме оценили ежегодные потери России от незаконной добычи природных ресурсов — они превышают 817,2 млрд руб. в год. Но не является ли формально законная добыча этих ресурсов той же потерей, если прибыль от нее уходит из страны»¹⁹.

Еще более поразительную информацию представил бывший директор НИИ статистики Росстата В. Симчера, проведший (с коллегой) соответствующее исследование²⁰. Он пишет: «Мы с коллегой примерно, основываясь только на открытых данных, посчитали, что если бы нефть и газ добывались по схеме сервисных контрактов, оставаясь собственностью государства Российского, то наш бюджет каждый год пополнялся бы примерно на восемь с лишним триллионов рублей. Например, в 2018 году консолидированный бюджет был бы «толще» на 23%, а федеральный — на 43,5%. При этом без каких-либо серьезных усилий. Просто одним постановлением правительства вместо

лицензий ввести системы контрактов. Всё! Извлекаемые богатства и все доходы от них будут однозначно принадлежать только государству. Но никаких движений в эту сторону даже не планируется».

Но и это еще не самое поразительное. Далее сказано: «Абсолютно не “бьется” статистика нашего экспорта нефти и нефтепродуктов с импортом тех стран, которые их закупают. Однако по российской отчетности, например, в 2015 г. мы “заклятым друзьям” в США продали нефти на 3,1 млрд долларов. А по американской и ооновской статистике за ту же нефть заплатили 9 миллиардов. В том же 2015-м Германия закупила российских нефтепродуктов на 27 миллиардов. А ФГС по тем же закупкам отчиталась десятью с хвостиком. “Где лишние баррели и доллары, Зин?”», — спрашивает В. Симчера. По его подсчетам, если все эти убытки посчитать за 30 лет, то получим более 200 трлн руб. — таких потерь история России не знала за все годы ее существования, даже война принесла меньше материальных потерь.

Без сомнения, государственные — статистические, правоохранительные и иные органы могли бы опровергнуть данную информацию, но пока это не наблюдается.

Ведь роль государства, всех его органов власти и управления заключается в обеспечении справедливости в обществе, в защите интересов народа, общества, и если действующее правовое регулирование, прежде всего конституционные положения в определенном векторе, не обеспечивают реализацию этой обязанности государства, их надо соответствующим образом скорректировать. И здесь, пожалуй, заключается одно из самых главных (по всем разумным параметрам) проблемных направлений фундаментальной науки права — направление симбиоза права собственности и справедливости.

Но есть и та научно-правовая проблематика (в том же направлении симбиоза права собственности и справедливости), которая сегодня лишь слегка проглядывается, но принципиальный потенциал будущей практической проблематичности у нее в различных векторах невероятно большой.

Например, в сфере правового регулирования отношений, связанных с искусственным интеллектом. Как известно, человекоподобная роботесса София в октябре 2017 г. получила подданство Саудовской Аравии. Она наделена технологиями искусственного интеллекта, это — разработка гонконгской компании Hanston Robotics. Неизвестно, получила ли она с обретением подданства какие-либо человеческие права, или в Саудовской Аравии предполагается разработка специальной системы прав роботов. При этом она вскоре (видимо, от большой радости приобретения подданства)

¹⁹ Некрасова Екатерина. Схватка за золото. Второй раунд // Росс. газ. 2020. 2 февр.

²⁰ Этот исследователь, судя по занимаемой прежде им должности, человек сведущий; его статья под названием «Этот стон у нас “деньги” зовется» была опубликована в еженедельнике «Аргументы недели» от 20.11.2019 г., а это издание к «желтой прессе» отнести нельзя, так что данная информация к «фейковой» явно не относится.

заявила о своем желании уничтожить человечество, но потом, похоже, передумала. Этот аспект, насколько опасно развитие искусственного интеллекта для будущего человечества, — сюжет отдельный. В сегменте же проблематики симбиоза справедливости и права собственности главное иное — получив подданство Саудовской Аравии, роботесса София ведь превратилась, в этом нет сомнений, из объекта права в субъект права. А значит, она обрела юридическую возможность приобретать в собственность иных роботов, в т.ч. так же, как и она, наделенных технологиями искусственного интеллекта, но не наделенных подданством Саудовской Аравии. А что в рамках этого вектора будет дальше, лет через 10–15? Уже сейчас нужны серьезные, фундаментального уровня научно-правовые исследования в обозначенном здесь направлении.

И кто знает — не понадобится здесь, по аналогии, анализ доступных нам сегодня сведений о законодательстве и правоприменительной практики некоторых древних рабовладельческих государств, где (в определенные исторические периоды) раб мог юридически, а не только фактически иметь в собственности раба. То есть раб — объект права с получением юридической возможности приобрести в собственность раба и реализовав эту возможность, становился по отношению к приобретенному им рабу субъектом права, оставаясь при этом в отношениях со своим собственником — объектом права. Следует заметить, что правовое регулирование отношений собственности было, в частности, в Древнем Риме весьма детальным, глубоко проработанным. При этом исследователи этой сферы отношений отмечают, что римскому праву классического периода был свойствен отличный от современного права подход к характеристике собственности, и делается «вывод о том, что в Древнем Риме не сформировалось адекватного и даже сколь-нибудь близкого современному общепринятому пониманию права собственности. В римском праве классического периода сложилась и действовала глубоко оригинальная юридическая конструкция собственности в виде нескольких самостоятельных правовых режимов»²¹. Параллель здесь в том, что и роботесса София, обретя подданство Саудовской Аравии и став тем самым субъектом права, вряд ли перестала быть объектом права — собственностью того, у кого она была в собственности до этого правосубъектного преобразования. Трудно здесь не подивиться прозорливости древне-израильского царя Соломона, утверждавшего еще три тысячи лет назад: «Что было, то и будет; и что

делалось под солнцем, то и будет делаться; и нет ничего нового под солнцем».

В роли иной научно-правовой проблематики все того же направления — симбиоза права собственности и справедливости, которая также сегодня лишь слегка проглядывается (но не имеет никаких исторических аналогий), следует назвать проблематику правового регулирования отношений в сфере замороженных донорских яйцеклеток и спермы, что уже сейчас довольно широко распространено во всем мире в силу востребованности парами или одинокими женщинами при невозможности зачатия ребенка естественным путем. Этот рынок услуг сегодня весьма обширен, яйцеклетки и сперму продают и покупают, а также замораживают в целях будущей разморозки и проведения операции ЭКО. Естественно, уже сейчас проявляется множество правовых коллизий, в т.ч. в вопросе права собственности на эти материалы, особенно в ситуации, когда человек, сдавший на хранение свои яйцеклетки (сперму), умер, а договор их хранения истек. Да и вообще, ведь яйцеклетки и сперма — это явно не обыденный товар, тысячелетия являющийся предметом товарно-денежных отношений и детально, исторически и повсеместно урегулированный правом. Это — продукт, содержащий генетически закодированную информацию о сущности конкретного человека, установить человеку, появившемуся на свет в результате названной операции, своего биологического родителя (или обоих) сегодня несложно. Будут ли построены здесь правоотношения — имущественные, семейные, наследственные и проч. на началах справедливости? И вообще, являются ли названные биологические продукты объектом права, собственностью человека, их сдавшего на хранение с целью будущего получения из них субъекта права, человека? Необходимость научной — фундаментальной правовой — проработки данной проблематики уже сейчас весьма остра.

* * *

В качестве иного направления фундаментальной науки права, не связанной с правом собственности, но столь же древней и все время актуальной, как и симбиоз права собственности и справедливости, следует назвать обеспечение справедливости в правосудии. Но это — уже отдельный сюжет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология мировой правовой мысли: в 5 т. Т. 1. Античный мир и Восточные цивилизации / рук. проекта Г.Ю. Семигин. М., 1999.
2. Вернадский В.И. Труды по всеобщей истории науки. 2-е изд. М., 1988.

²¹ Савельев В.А. Юридическая конструкция собственности в римском праве классического периода: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 57, 61.

3. *Голдин В.И.* Фундаментальные проблемы науки ведения и роль университетов в развитии науки в России в современном мире // Вестник Поморского ун-та. Сер.: Гуманитарные и специальные науки. 2011. № 3. С. 100–105.
4. *Емелькина И.А.* Перераспределение государственной и муниципальной собственности: правовые проблемы и тенденции развития законодательства // Законы России. 2020. № 20. С. 22–28.
5. *Ефименко Д.В.* Производство научного знания и российское научное сообщество // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки. М., 2005. С. 214, 215.
6. *Каширин В.П.* Проблемы общей теории науки // Науковедение: фундаментальные и прикладные проблемы. М., 2002. С. 27, 28.
7. *Клеандров М.И.* О двух хронологических векторах права собственности // Собственность в XX столетии. М., 2001. С. 776–792.
8. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В.Д. Зорькина. 3-е изд., переим. М., 2013.
9. *Комраков Анатолий.* Россияне хотят справедливости как никогда раньше // Независимая газ. 2020. 6–7 марта.
10. *Корнилова Н.В.* Первоначальные способы приобретения права собственности: реформа в России и зарубежный опыт // Росс. правосудие. 2017. № 1 (129). С. 56–67.
11. *Криволапова Ю.К.* История науки: учеб. пособие. М., 2015. С. 5, 6.
12. *Некрасова Екатерина.* Схватка за золото. Второй раунд // Росс. газ. 2020. 2 февр.
13. *Савельев В.А.* Юридическая конструкция собственности в римском праве классического периода: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 57, 61.
14. *Симчера В.* Этот стон у нас «деньги» зовется // Аргументы недели. 2019. 20 нояб.
15. *Философия права.* Словарь / общ. ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2020. С. 599.
16. *Юревич А.В.* Науковедческая «башня» или еще раз о предмете и структуре науковедения // Науковедение и новые тенденции в развитии российской науки. М., 2005. С. 38.
2. *Vernadsky V.I.* Works on the universal history of science. 2nd ed. M., 1988 (in Russ.).
3. *Goldin V.I.* Fundamental problems of management science and the role of universities in the development of science in Russia in the modern world // Herald Pomorsk. un-t. Ser.: Humanities and special Sciences. 2011. No. 3. P. 100–105 (in Russ.).
4. *Emelkina I.A.* Redistribution of state and municipal property: legal problems and trends in the development of legislation // Laws of Russia. 2020. No. 20. P. 22–28 (in Russ.).
5. *Efimenko D.V.* Production of scientific knowledge and the Russian scientific community // Science of Science and new trends in the development of Russian science. M., 2005. P. 214, 215 (in Russ.).
6. *Kashirin V.P.* Problems of the General theory of science // Science of Science: fundamental and applied problems. M., 2002. P. 27, 28 (in Russ.).
7. *Kleandrov M.I.* On two chronological vectors of property right // Property in the XX century. M., 2001. P. 776–792 (in Russ.).
8. Commentary on the Constitution of the Russian Federation / ed. by of V.D. Zorkin. 3rd ed., it was renamed. M., 2013 (in Russ.).
9. *Komrakov Anatoly.* Russians want justice as never before // Independent newspaper. 2020. 6–7 Mar. (in Russ.).
10. *Kornilova N.V.* Initial methods of acquiring property right: reform in Russia and foreign experience // Russ. Justice. 2017. No. 1 (129). P. 56–67 (in Russ.).
11. *Krivolapova Yu. K.* History of science: Textbook. M., 2015. P. 5, 6. (in Russ.).
12. *Nekrasova Ekaterina.* The fight for gold. Second round // Russ. newspaper. 2020. 2 Feb. (in Russ.).
13. *Savelev V.A.* Legal construction of property in the Roman Law of the classical period: abstract ... Doctor of Law. M., 1997. P. 57, 61 (in Russ.).
14. *Simchera V.* This moan is called “money” // Arguments of the week. 2019. 20 Nov. (in Russ.).
15. Philosophy of Law. Dictionary / General ed. and comp. V.N. Zhukov. M., 2020. P. 599 (in Russ.).
16. *Yurevich A.V.* Scientific “tower” or once again on the subject and the structure of science // Science of Science and new tendencies in development of Russian science. M., 2005. P. 38 (in Russ.).
1. Anthology of world legal thought: in 5 vols. Ancient world and Eastern civilizations / project manager G. Yu. Semigin. M., 1999 (in Russ.).

REFERENCES

Сведения об авторе

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович — член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KLEANDROV Mikhail I. — Corresponding Member of RAS, Doctor of Law, Professor, chief researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia